Вкусно, не вкусно, но разве можно отказаться? Глядя, как его будущая жена радуется, пробуя всё подряд, Фань Сянь никак не мог изображать из себя Люся Хуэя* — в сердце его уже разгорался пожар. Он станет презирать себя, если сейчас отпустит её. Раз уж ему был предложен столь лакомый кусочек, грех было бы лишить себя такого удовольствия.

И двое людей слились в одно.

***

Хотя их и заслоняли заросли, но блестящие озёра и живописные горы были очень привлекательны, и горячие поцелуи молодых супругов в той же стороне не могли мельком не попасться на глаза служанкам. Все они были весьма умны и отводили глаза: то наклонялись перевернуть мясо, но поворачивались спиной, притворялись, что ищут шкатулку с украшениями барышни, то, не зная, как себя повести, падали на землю с лёгким вскриком, делая вид, что подвернули ногу.

Фань Сычжэ как раз жадно жевал, не обращая внимания на любовное сражение на берегу озера. Фань Жожо сейчас прогуливалась в лесу после обеда и тоже вроде не смотрела в ту сторону. И причиной, почему все служанки даже не покашливали постоянно, чтобы предотвратить вопиющее падение нравов, было то, что все они Фань Сянем были хорошо прикормлены.

Ради государственных дел нужно подкупать главного евнуха, ради семейных же — таких вот служанок-наперсниц. Фань Сянь как следует уяснил себе этот довод и награждал их что ни день. Опираясь на то, что его отец был шиланом министерства финансов, да и книжная лавка Даньбо приносила беспрерывный доход, он мог быть весьма щедрым, что нравилось служанкам и давно уже склонило чашу весов в сторону будущего жениха.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда двое на берегу озера, наконец, отодвинулись друг от друга, тяжело дыша. Волосы их были в беспорядке, и вообще выглядели они несколько потрёпанно — словно после драки, а не после жарких поцелуев.

Линь Вань’эр пригладила волосы и кинула косой взгляд на служанок в отдалении, гадая, не заметил ли их кто-то. Но в ней, как и раньше, вспыхнул стыд, она свирепо уставилась на Фань Сяня, думая, что вот такое поведение средь бела дня неизбежно покажется безрассудным. Однако её губы словно ещё ощущали остатки сладости, так что в душе у неё перемешались смятение и счастье.

— Чего ты испугалась? Обычно по ночам я не замечал, чтобы тебе было так не по себе, — с улыбкой прошептал Фань Сянь ей на ухо и пальцем легко тронул её белую, изящную мочку, применив «мелкие уловки».

Вань’эр снова легко вздохнула, но не выдержала: замахнувшись маленьким кулачком, она стукнула его в грудь.

— Умышленное убийство супруга. — Это была шутка из предыдущей жизни, которая давно набила оскомину Фань Сяню и его товарищам, однако сейчас, на берегу озера, при разговоре с самой настоящей будущей женой, она приобрела новую суть.

Вань’эр с видом разъярённого тигрёнка укусила его. Фань Сянь почувствовал боль в запястье и с трудом сдержал крик. Усмехнувшись, он проговорил:

— Мы же не на самом деле дерёмся, зачем так жестоко?

История о «дерущихся обольстительницах» упоминалась в семьдесят третьей главе «Сна в Красном тереме». Глупая старшая сестрица в Саду Роскошных зрелищ нашла ароматический мешочек, на котором была вышивка: голые мужчина и женщина сидели, обнявшись. Глупая девица не знала, что такое «картинки весеннего дворца», решила, что это драка женских призраков, и тут же отдала мешочек госпоже. После этого и последовала та сцена с обыском Сада Роскошных зрелищ.

Изначально в государстве Цин никто не знал об этом сюжете, но через несколько дней после того, как Линь Вань’эр услышала, что её жених открыл книжную лавку, она прикинула, что там должен быть полный текст «Истории камня», и давно уже заставила Фань Сяня «скопировать» для неё оставшиеся десяток с лишним глав. Сейчас, услышав это выражение, она тут же смущённо покраснела и печально сказала:

— Это кем ты меня сейчас назвал?

Фань Сянь хихикнул:

— Конечно, хорошим человеком. Древние говорили, драка обольстительниц — самая прекрасная драка на свете. К тому же у нас пока вышла не драка, а так, ссора.

— Фу! Не знаю, где ты набрался этих гадостей, да ещё и порочишь имя древних, — Линь Вань’эр фыркнула, — и вообще, какая разница между дракой обольстительниц и ссорой?

— В драке, конечно, идут в ход руки и ноги, умения каждой части тела могут пригодиться. А при ссоре… пользуются только ртом.

— Да иди ты!

Фань Сянь очень довольно ответил:

— Если я куда и пойду, то только с тобой.

***

В летнем поместье влюблённым очень легко коротать время в окружении прекрасных озёр и зелёных гор. Полдень наступил незаметно. Старые няньки, которых Фань Жожо неизвестно какими уловками заставила сидеть в поместье и играть в маджонг, наконец-то вспомнили о своей работе и радостно заспешили к ним, улыбаясь Фань Сяню, — кажется, игра принесла семье Фань немало выгоды.

Однако их вид не доставил Фань Сяню радости, поскольку с их приходом тот лишался всякой возможности выражать свои чувства, должен был держаться подальше от Вань’эр и соблюдать приличия хоть сидя, хоть стоя.

К дневному приёму пищи, конечно, нельзя было подавать кое-как состряпанную Фань Сянем жареную рыбу. Все очень торжественно вернулись в поместье, выбрали элегантный дворик, и слуги отправились готовить обед. За чаем и разговорами они услышали, как издалека донёсся звук подъезжающих повозок. Фань Сянь и Линь Вань’эр одновременно с улыбкой поднялись: казалось, они оба знали, кто приехал, однако заметив, что встали оба, они не могли не взглянуть друг на друга с удивлением.

Пришедшие были гостями — обе партии — но приглашёнными Фань Сянем и Линь Вань’эр по отдельности. Оба они раньше об этом не знали, поэтому сейчас, глядя, как из двух повозок высаживаются люди, Фань Сянь и Вань’эр были удивлены. У Вань’эр к удивлению примешивалось волнение и огорчение, а у Фань Сяня — волнение и… головная боль.

Линь Ван’эр пригласила Е Лин’эр. Она знала, что они с Фань Сянем подрались около императорской усадьбы несколько дней назад, поэтому сегодня она сознательно воспользовалась загородной поездкой, чтобы позволить им встретиться, пообщаться побольше и разобраться со своей взаимной враждой. Она хотела стать эдаким страдающим миротворцем. Фань Сянь, естественно, понял её затею, улыбнулся и вежливо поклонился, сложив руки:

— Приветствую барышню Е.

После того дня нос у Е Лин’эр до сих пор ещё болел, а вот позёрства ни осталось ни капли. Она просто сложила руки и поклонилась с достоинством воительницы:

— Приветствую молодого господина Фань и восхищаюсь его искусством.

Фань Сянь усмехнулся, в душе чувствуя себя странно. Неужто он готовится сниматься в историческом кино?

Фань Сычжэ, глядя, как Е Лин’эр выходит из повозки и приветствует его брата, прошептал Жожо:

— Сестра, я понял, будущая невестка хочет помирить их. — Фань Жожо хмыкнула. Улыбаясь вовсю, она уже готовилась выйти вперёд и поприветствовать гостью, но, услышав вдруг следующие слова Фань Сычжэ, невольно остановилась. Тот продолжил: — Боюсь, невестка

приветствует гостей с тем, чтобы пригласить себе младшую сестру.

Фань Жожо в возмущении сильно стукнула Фань Сычжэ по лбу, ругаясь вполголоса:

— Не говоря уже о том, что думает об этом брат, даже если он захочет жениться на барышне Е, то с её статусом, как она может согласиться стать наложницей?

С её точки зрения было несущественно, на ком женится её брат, главное, чтобы ему самому нравилось. Это не сильно отличалось от того, как смотрел на вопрос её женитьбы Фань Сянь.

Из другой повозки выбрался крупный толстяк, поддерживаемый служанкой, и сейчас в смятении озирался по сторонам. Фань Сянь взглянул на него, дал знак Жожо отвести Е Лин’эр отдохнуть и осторожно потянул Вань’эр за рукав.

Линь Вань’эр посмотрела на толстяка, не сдержавшись, прикрыла рот рукой и очень тихо вздохнула. Когда она снова посмотрела на Фань Сяня, её глаза были полны благодарности.

— Идём, — подбодрил её Фань Сянь нежной улыбкой, и они вдвоём направились к повозке.

Когда толстяк увидел Фань Сяня, то изначально напуганное выражение его лица тут же сменилось радостью, а и без того широко расставленные брови растянулись ещё шире. Он сделал несколько шагов вперёд, потянул Фань Сяня за руку и прокричал:

— Сяньсяньчик, это ты!

— Дабао, разве я не говорил, что ты не должен так звать меня? — с горечью сказал Фань Сянь.

Линь Вань’эр немного загрустила, думая, что её глупый брат, с которым они так редко встречались, кажется, забыл её, но услышав, как Дабао обратился к Фань Сяню, она не могла не рассмеяться и спросила:

— Сяньсяньчик?

Фань Сянь беспомощно кивнул.

— Спасибо, — Линь Вань’эр растроганно посмотрела на Фань Сяня. — Ты же знаешь, что мне так редко удаётся встретиться с ним.

— Я знаю, — улыбнулся Фань Сянь и, повернувшись, похлопал Дабао по огромному плечу.
— Дабао, сегодня не получится посмотреть конное поло, но найдутся и другие развлечения.

Этот двор находился под склоном горы, и через открытые ворота в отдалении виднелась изумрудная гладь озера. Дабао шмыгнул носом и покачал головой:

— Сяньсяньчик, эта вода зелёная, а не синяя.

Фань Сянь вздохнул и сказал:

— Потому что вода недостаточно глубокая.

— Тогда пойдём и посмотрим, насколько тут глубоко.

Фань Сянь в радужных мечтах хотел привести сюда Дабао, во-первых, чтобы его шурин не страдал дома целыми днями, а во-вторых, чтобы он поиграл с Фань Сычжэ — они всё же просто двое детишек. Откуда ему было знать, что у Фань Сычжэ есть какая-то врождённая чувствительность к проблемам? Только увидев приближающегося толстого дурачка, он сбежал подальше и спрятался. Дабао за руку потащил Фань Сяня с собой спуститься вниз по склону горы, и тот подумал, что сегодняшний обед, вероятно, провалился.

Когда глупый зять и глупый шурин собрались выйти за ворота, Дабао внезапно обернулся и серьёзно посмотрел на Линь Вань’эр:

— Сестра, почему ты не идёшь с нами?

Линь Вань’эр сначала испугалась, но потом у неё защемило сердце. Оказывается, её глупый брат, с которым они так редко виделись, всё ещё помнил, что у него была младшая сестра. Она поспешно согласилась, шагнула вперёд и взяла Дабао за другую руку.

***

Наступила ночь, с чердака доносился слабый стук фишек для маджонга, охранники собрались выпить, кругом царил покой и праздность. Все ослабили бдительность. Служанки устали играть весь день, выпили несколько чашек рисового вина и легли спать. Что касается хозяев, которым они прислуживали, то они давно уже спали под своими пологами. Время от времени от лесного пруда доносилось кваканье лягушек, а иногда и плеск рыбы в озере, что только подчёркивало спокойствие в императорском летнем поместье.

У самой отдалённой части озера, среди деревьев укрывалась от лунного света палатка, обдуваемая ночным бризом с озера. И в этой палатке молодая пара перешёптывалась в ночной тишине.

---

* Люся Хуэй - государственный деятель VII в. до н. э., традиционный образ нравственности и

добродетели.

http://tl.rulate.ru/book/96718/1708483